МАРИНА ПОЛИКАРПОВА

КОРПУСА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Марина Поликарпова

Корпуса

«Автор»
2026

Поликарпова М.

Корпуса / М. Поликарпова — «Автор», 2026

Что будет, если на территории бывшего завода, начнут возводить элитные дома? Получится ли создать новый город там, где сильна память места? Корпуса - это сборник рассказов, исследующий тему изменений в привычной городской среде через призму мистики.

© Поликарпова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Юлия 5
Оксана 8
Мария 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Поликарпова
Корпуса

Юлия

Нам троим небывало повезло. Я сирота. Инна — многодетная мать в семье, лишившейся кормильца. Леонид Семёнович — пенсионер, всю жизнь проработал сторожем. Именно мы трое при расселении нашей аварийной двухэтажки получили премиальные квартиры в новом доме по программе от застройщика. Что за программа, никто выяснять не стал, мы просто радовались, представляя, за сколько эти квартиры можно будет перепродать. Вид на Волгу и исторический центр города не интересовал никого из нас, а вот деньги — другое дело.

Первой съезжать передумала Инна. Ей досталась трёшка. Трёшка! Да кто угодно бы передумал съезжать из трёшки с черновым ремонтом, ведь теперь у неё были комнаты и для мальчиков, и для девочек, и для себя. Второй сдалась я — дом был далеко от остановок, но близко к университету и подработке. Студию оказалось легко убирать. А вид на Волгу… оказалось, что вид на Волгу не интересует только при сухом расчёте.

Леонид Семёнович, живущий теперь напротив меня, держался дольше всех. Даже сходил узнать, сможет ли продать квартиру, рассказывал, как неудобно добираться до поликлиники, но выяснилось, что продать эту квартиру не так-то просто. Как оказалось, мы въехали в «неликвид», и люди при деньгах этими квартирами не интересовались. У меня был очень маленький метраж. У Инны — второй этаж над продуктовым, все боялись тараканов, а у Леонида Семёновича — вид на заводские корпуса. Один раз я была в его квартире, помогала занести пакеты из магазина. Полюбовалась ржавыми крышами в дырах, развалинами, кустами и радостно пошла к себе — заросли перед Волгой выглядели лучше.

Вообще я ещё в нашем прошлом доме заходила к Леониду Семёновичу раз в неделю. Заносила стандартный набор продуктов: пачку риса или гречки, две бутылки молока, большую упаковку печенья и кило конфет. Летом были ягоды с рынка, зимой — яблоки из супермаркета. Раз в месяц мы вместе ходили на рынок за мясом, он учил меня выбирать хорошее, а я помогала донести сумки. Месяц с прошлого похода уже почти прошёл, и я думала, куда мы пойдём в этот раз? До рынка теперь далеко, в супермаркете мясо не очень хорошее, да и дороже.

Я позвонила в дверь. Открывал Леонид Семёнович всегда не быстро, но в этот раз совсем не торопился. Через несколько минут позвонила ещё раз, но реакции не было. Подумав, что старик может просто быть в туалете, я оставила пакет на его пороге, занесла свой, разобрала продукты. Вернулась на лестничную клетку. Позвонила снова, толкнула дверь. Было не заперто.

Предчувствие пробило от кончиков пальцев, по руке, прямо в лопатку. Я замерла, не зная, как быть дальше. К счастью, остановился лифт, и на этаж вышел мужчина средних лет.

— Извините, — хочу вскрикнуть, но выходит только сдавленный шёпот. — Извините!

Мужчина дёргается, поворачивается ко мне.

— Я… я отсюда, — указываю на свою квартиру. Руки дрожат, язык заплетается. — Принесла Леониду Семёновичу продукты, а он не открывает. И не заперто.

— Ваш дедушка?

— Нет. Мы соседями были, ну до расселения. Ну и теперь.

— Понял, — мужчина проходит, аккуратно огибает меня. — Ты тут постой, ладно?

— Конечно. Спасибо.

Опираюсь спиной о стену, смотрю на оставленный пакет с продуктами. Секунды, которые мужчина проводит в квартире, тянутся вечно. Я понимаю, что он мне скажет, ещё до его возвращения — слышу обрывки телефонного разговора.

Слёзы наворачиваются на глаза, льются градом. И когда дверь квартиры открывается, мужчина только вздыхает:

— Скорая едет.

— Он ещё жив? — я распахиваю глаза.

— Нет, — он говорит это осторожно. Достаёт из кармана мятую бумажную салфетку, протягивает. — Мне жаль.

— Мне надо ждать скорую?

— Нет, я свой номер квартиры назвал, мне позвонят. Но я вас позову, как нужно будет.

— Спасибо, — прикрываю дверь в квартиру Леонида Семёновича. — Я спущусь на второй.

Диктую мужчине свой номер телефона и собираюсь уйти, но он меня окликает:

— Девушка, продукты-то к себе заберите. Тут сейчас носилки будут, беготня…

— Конечно.

Открываю свою квартиру, ставлю пакет у входа и снова запираю дверь. Спускаюсь на второй, опасливо звоню. Инна открывает быстро:

— Что случилось?

— Дед Лёня… — зажимаю рот рукавом, давя всхлип.

— Я поняла. Ты иди к себе, я позвоню маме, чтоб с детьми посидела, и поднимусь, как она приедет. Врачей, полицию вызвала?

— Я не смогла зайти, соседа попросила.

— И правильно, нечего тебе там делать! Иди к себе, я скоро.

Инна перезванивает, когда я выхожу из лифта, говорит, что её мама заболела и приехать не сможет. Предлагает переночевать у неё, но я отказываюсь. Благодарю, и как раз в этот момент приезжает скорая.

— Врачи тут, я перезвоню.

— Конечно, ты пиши, — Инна не сбрасывает вызов, мне приходится отключить его самой.

Быстрее, чем я соображаю, что делать, из квартиры в другой стороне этажа выходит мужчина. Он вежливо представляется скорой и полиции Игорем Олеговичем, указывает на меня:

— Вот, девушка внимание обратила.

— Я просто продукты занести хотела…

— Идёмте ближе, — полицейский говорит мягко, аккуратно. — Представьтесь.

— Юлия Иванова.

— А отчество?

— Нет отчества, сирота.

— Хорошо. Как звали покойного? — полицейский кивает медикам, Игорь Олегович ведёт их в квартиру.

— Леонид Семёнович… я фамилию забыла. Но знаю, где документы лежат.

— У него были родственники, кто-то приезжал?

— Он говорил, что дочь у него умерла, жена тоже. Брат в другом городе, но он вроде старший, может, тоже уже… не знаю.

— То есть никто не приезжал? А вы давно знакомы?

— Давно. Мы до этого в двухэтажке жили, которая под снос, я туда в восемнадцать въехала, — всхлипываю, замираю. Пытаюсь вспомнить, сколько мне лет. Не получается, но выходит сообразить, что я учусь на четвёртом курсе. — Четыре года мы знакомы, получается.

— Много общались?

Всхлипываю громче, закрываю лицо руками. Рыдаю. Полицейские отводят меня в сторону, не дают повернуться, когда по этажу проезжают носилки с телом. Игорь Олегович выносит из своей квартиры стакан воды, кто-то помогает мне попить. Становится немного лучше.

— Я ему помогала. Продукты носила, всё такое. Так и общались. Не знаю, много это или нет.

— Понятно, — полицейский закрывает кожаную папку. — А теперь можете показать свои документы? И вы сказали, знаете, где документы Леонида Семёновича?

Я киваю. В свою квартиру захожу быстро, отдаю полицейскому паспорт, на пороге квартиры деда Лёни заминаюсь, но заставляю себя зайти.

Внутри не пахнет ни мясом, ни отходами, ни разложившимся трупом — конечно, вчера мы ведь с дедом Лёней разговаривали, он недолго ждал врачей. И всё же я почему-то ожидаю запах, который, по рассказам, должен быть сладковатым. Кусаю губы, доставая из шкафа папку с документами. Там было всё, от паспорта до медицинской карты, я знала про эту папку на случай, если придётся вызывать скорую.

— Ему можно было помочь?

— Скорее всего, нет. Не вините себя, — он говорит это протокольно и вдруг вздыхает. — Знаете, в этом доме бывают странности, но мужчина был уже в возрасте. И хорошо, что вы проявили бдительность…

Я всхлипываю, киваю, стараюсь унять слёзы. Полицейский снова вздыхает:

— Ладно, так не положено, но давайте соблюдём традицию.

— Какую?

— Из вещей покойного близкие забирают себе всякие мелочи. Вы можете что-то взять из этой квартиры, не ценность, конечно.

— Я могу взять кружку?

— Кружку?

— Я из неё чай пила, когда заходила…

— Покажите, какую.

Я молча иду на кухню, свет не включаю, по памяти достаю «свою» кружку. Машинально оглядываюсь на окно и замираю. В развалённых корпусах завода мигает свет.

Оксана

— Не хотите — ну и не надо, — соседка захлопывает дверь квартиры.

— Вообще сдурели, за такие деньги коридор ещё мыть?! — Слава кричит ей вслед.

— Слав, — я пытаюсь взять мужа за руку.

— Что?! У меня эта деревня уже поперёк горла, приличный ЖК портят!

— Просто хотят, чтобы было чисто.

— Для этого есть уборщица!

— Ну хватит, пойдём в квартиру. Чего орать?

— Да чтоб мозги у некоторых на место встали! Пусть послушает!

Мимо проходит другая соседка с пакетом из супермаркета, Слава цыкает и уходит наконец в квартиру. Я тихо здороваюсь и спешу запереть дверь, пока мне не ответили.

Соседи нас невзлюбили сразу, Слава считал, что это из-за зависти к тому, что мы приехали из Москвы. Я думала, что больше виновато его поведение. Но он был таким всегда, и вряд ли уже изменится человек, считающий себя всегда и во всём правым.

На кухне я завариваю чай, мельком заглядываю за плечо мужа. Он прячет экран телефона, слегка наклоняя его. Это выходит у нас уже почти рефлекторно, с тех пор как он проиграл свою московскую квартиру. Иногда я надеюсь увидеть на экране не сайт запрещённого казино, а переписку с другой женщиной. Так хоть появится предлог…

Слава чертыхается, и что-то у меня в груди обрывается. Неужели снова проиграл? Нет, сейчас не будет таких долгов, у него стоит самозапрет на кредиты. Нет, нам не придётся уезжать и отсюда. Нет, нет, нет.

С чашкой чая подхожу к окну, смотрю на собак, играющихся в зарослях и кустарниках. Большие, даже с нашего этажа видно, что собаки очень большие.

— На что смотришь?

— На собак. Хорошо, что не завели, а то нас загрызли бы.

— Да куда нам с твоим пузом собаку, — Слава усмехается.

Иногда мне хочется сказать, что «пузо» наше общее, и ему стоило бы… много чего стоило бы. Он не интересовался и первым своим ребёнком — в начале отношений я думала, что он прав и виновата бывшая, а вот я не такая, со мной всё будет иначе. Дура.

Допиваю чай и ухожу в комнату, собираюсь поспать, но снова слышу ругань на кухне. В слова не вслушиваюсь, стараюсь не вслушиваться, но он говорит всё громче и громче. Тихо выхожу из комнаты.

— Так и переловите их всех к чёртовой матери… Да мне наплевать, куда вы их денете!

Возвращаюсь в комнату, запираю дверь и снова выглядываю в окно. В свете фонаря какой-то мужчина кормит собак с руки, те виляют хвостами, крутятся около него, прыгают. Я чувствую укол стыда, в этот раз сама не знаю почему. Стыдно мне было и перед соседкой, на которую Слава наорал за предложение мыть полы в коридоре по очереди. И перед той, которой он на просьбу донести пакеты велел пользоваться доставкой. И перед всеми остальными, с кем он успел поговорить здесь. Стыдно было и перед мужчиной с собаками, но что поделать с этим стыдом?

Обычно я не делала ничего, и в этот раз пошла проторенной дорогой. Легла спать.

Утром Слава ушёл на работу, и я, оставшись одна, снова выглянула в окно. На улице шёл дождь, гулять не хотелось, но необходимость чем-то себя занять ощущалась всё сильнее, и, проходя по коридору, я подумала, что было бы неплохо попытаться наладить отношения с соседями. В конце концов, сейчас было непонятно, сколько продержатся отношения со Славой, а вот в добрачной квартире я точно останусь до конца жизни.

Полы в общем коридоре я начинаю мыть в те дни, когда муж на работе. На отношения с соседями это, кажется, никак не влияет — кажется, меня даже никто не заметил — но мне становится спокойнее. У меня самой будто бы появляется больше прав находиться в этом доме.

Снова настаёт понедельник, и я выхожу со шваброй в общий коридор. Полы моет соседка, та самая, с которой Слава поругался. Я ойкаю, собираюсь спрятаться от воображаемой ругани в квартире, но женщина приветливо улыбается.

— Ты чего со шваброй? По неделе дежурить будем, сейчас я, потом Ленка, потом Вика. И только потом ты.

— Я просто подумала, — теряюсь, мнусь. Слова никак не собираются в полноценное предложение.

— Нечего тут думать, это ж просто полы. Не собаки.

— Собаки?

— А ты не слышала? Кто-то отлов вызвал, всех собак утащили. Сторож наш теперь их ищет.

— Тут есть сторож?

— Ну да, местный наш. Ты ведь тоже местная, в отличие от этого дурака, разве не знаешь?

— Я тут не жила. Купила квартиру на этапе котлована и уехала зарабатывать на взносы по ипотеке. А тут, так вышло, — прикрываю живот руками. Становится неловко.

— Ну ничего, всё образуется, — женщина, имя так и не выходит вспомнить, приветливо улыбается.

— Спасибо, — отвечаю тем же. Получается скорее неловко, благо пищит стиральная машинка, и появляется предлог уйти в квартиру.

После обеда погода радует. Иду из женской консультации, мыслями возвращаюсь к собакам. Это ощущается очень странно — я совершенно не замечала их присутствие, но отсутствие отзывается резким чувством неправильности происходящего. Оно мучало меня уже несколько дней, и, кажется, теперь я нашла причину.

У подъезда, там, где обычно останавливаются покурить, я замираю, разглядывая пустырь у дома.

— Огоньку не найдётся?

— Не курю, — машинально отвечаю, поворачиваюсь.

Мужчина, стоящий рядом, неопрятен. Одет в старую куртку, похожую на дедушкин ватник. Но голос трезвый, что уже хорошо. Впрочем, новые знакомства меня не привлекают, и я собираюсь уйти, но тут замечаю, что он достаёт из кармана спички и закуривает.

— А зачем тогда спрашивали? — вопрос слетает с губ сам собой.

— Да ты начала за мужем исправлять, может, и мне хочешь помочь. В поисках с тебя толка нет, бегать не можешь, — он кивает на живот. — Так, может, хоть зажигалка есть.

Я теряюсь. Страха не ощущаю, хотя, оценивая ситуацию, понимаю — должна бы. Но все мысли сосредоточены на том, чтобы угадать, с кем я говорю. Неужели тот самый сторож?

— Да не бойся, у меня к тебе претензий нет.

— А к Славе?

— Он пока с тобой, что я могу поделать?

— Да мне наплевать.

— На него? Или на то, что я сделать могу?

— На всё.

Сторож закуривает, и, хоть дым он выдыхает в сторону, я ухожу домой. Дышать сигаретами не хочется.

Слава не приходит. Когда он не появляется вечером, я пишу гневные сообщения о разводе, угрожаю, звоню — всё без толку. Слава снова загулял. Но утром, когда звонят с его работы, я понимаю, что что-то не так. Работу он обычно не прогуливал.

Говорю его начальнику, что сама вызову полицию, и иду в участок. Говорю женщине за стеклом и решёткой, что у меня пропал муж. Сочувствия не получаю, только бланк заявления. Заполняю дрожащей рукой, в голове крутится бесконечный поток мыслей от «и что я теперь буду делать» до «как сказать его семье». Возвращаю заполненное заявление:

— И что теперь делать?

— Подождите, с вами поговорят.

Разговор с участковым выходит недолгим: спросить с меня особо нечего, на подозреваемую я тоже не тяну. Он больше успокаивает, обещает держать в курсе дела и отпускает. Я говорю о пристрастии мужа к азартным играм, но отмечаю, что по заведениям со ставками он обычно не ходил. Участковый, кажется, пропускает это мимо ушей. Родителям Славы звоню по дороге, они тоже сосредоточены на том, чтобы успокоить меня. Приехать не обещают, но много причитают о характере среднего сына.

До дома дохожу с твёрдой уверенностью, что Слава не вернётся. Ощущается это странно, взращивает внутри тёплую, вязкую пустоту. Я легко признаюсь себе, что не жду возвращения Славы.

Сторож курит у подъезда, улыбается мне, отходит. Я улыбаюсь в ответ.

Мария

Остатки снега жмутся к заборам, стенам домов и стволам деревьев. Покрытые грязью и пылью, стремительно исчезающие из-за резкого потепления, они кажутся символом отступающей зимы. Один из таких клочков обнюхивает мой пёс. Обнюхивает дотошно, дёргает ушами, напрягается при попытках оттащить его в сторону.

На каждой прогулке он вёл меня к оврагу Подпольщиков, а если зазеваться — уже оттуда тащил к корпусам ЗИМа. К тому, что от них осталось.

Кинолог говорил, что он просто был там выловлен и тянется «домой». Кинолог говорил потерпеть, переждать, а там будет лучше. Кинолог говорил слишком много.

— Ну, пойдём уже домой, — вздыхаю я. Кроссовки, зачем вообще нужно было идти в них, давно промокли, ноги замёрзли. — Пойдём, я тебе вкусняшку дам.

Пёс дёргает ушами и тянет меня прочь от дома по грязным улицам. Надо было брать щенка, его легче воспитать. Или маленькую собаку, которую в случае такого бунта можно взять на руки и унести. Мой рост не давал справиться с псом.

Ещё худой после вольной жизни и недолгого нахождения в отлове, он всё равно весил за тридцать кило и, похоже, обладал неплохой мышечной массой. Или же его преимущество было в том, что он упирается в асфальт всеми четырьмя лапами против моих двух. Так или иначе, сдвинуть его с места было тяжело, и это повторялось на каждой прогулке.

Я вздыхаю. Скручиваю поводок вокруг запястья и, думая, что все, кто нас видят, решат, какая я плохая хозяйка, с силой оттягиваю пса от кучи снега, тащу к дому. Пёс идёт, но скулит. Жалобно, тихо.

— Не дави на жалость, я ведь для тебя стараюсь.

Пёс скулит всю дорогу, еле плетётся, с трудом переставляя тощие лапы. Я, скорее для редких прохожих и самой себя, ещё пару раз повторяю, что дома будет вкусный ужин, что ему пора отвыкать от бродяжничества, что он не вернётся в те ужасные условия. Я ведь хочу как лучше, не делаю ничего плохого, только защищаю.

Скулёж прекращается, когда мы уже сворачиваем во дворы. Пёс обгоняет меня, начинает вилять хвостом, радостно гавкает. Впервые за те пару недель, что мы живём вместе, я вижу в нём столько радости и сама улыбаюсь: наконец-то он признал новый дом!

Радость быстро гаснет. У нашего подъезда сидит мужчина не самого опрятного вида — увидев пса, он встаёт со скамейки. Пёс рвётся к нему, виляет хвостом, припрыгивает. Карабин на ошейнике скрипит, и я рефлекторно чуть ослабляю поводок. Этого хватает, чтобы пёс подбежал к мужчине и положил ему передние лапы на плечи.

— Извините, — начинаю я, тщетно пытаясь оттянуть пса. Поводок впивается в руку.

Мужчина не отвечает, даёт облизать себе лицо, морщится, улыбается. Обнимает пса.

Пёс радуется как маленький щенок, повизгивает, не обращает внимания ни на меня, ни на выходящих из подъезда жильцов. Зато соседи смотрят на нас, странно смотрят.

— Ну всё, всё, пойдём, — вдруг говорит мужчина и тянется к шлейке пса. Тот спрыгивает с его плеч и, виляя хвостом, крутится рядом.

— Никуда вы не пойдёте! — я собираюсь с силами и подтягиваю пса ближе к себе. — Вы кто такой?!

— Хозяин его, — почти растерянно отвечает мужчина.

— Хорош хозяин, что вашу собаку в каких-то курмышах тощей выловили.

Пёс рвётся с поводка к мужчине, но я держу его крепче, больше не пускаю.

— Домой, — говорю уже строго.

Пёс заходится скулежом, воет. Я тащу его к подъездной двери, чувствуя себя худшим человеком в мире. Мужчина же идёт за нами:

— Девушка, это не ваш пёс, он не хочет с вами жить.

— Мой, и я лучше знаю, чего он хочет!

— Ну неужели вы не видите? Это вам не Найда.

Я не отвечаю, затаскиваю воющего пса в подъезд, веду на второй этаж. Я видела, что он не похож на мою Найду, поэтому и выбрала его. Все собаки, напоминавшие её, казалось, причиняли боль. Её повадками, её окрасом, её взглядом. Прошёл год со смерти Найды, а я всё никак не могла смириться, что её нет рядом. Не могла ни жить без собаки, ни взять похожую, ни, как оказалось, сжиться с другой.

Это причиняло боль, держать которую в себе было сложно. Скрипя зубами, я старалась не сорваться на пса. Он скулил, пока я мыла ему лапы, осматривала на предмет клещей, звала ужинать. Он лежал под дверью и тихо скулил. Ждал хозяина.

Сначала я решила игнорировать этот бунт. Оставляла его миски на кухне, шла спать, но скулёж не прекращался. Я ворочалась, жмурилась, пыталась расслабиться. Не помогало ничего.

Сейчас не отпускает мысль, что тот мужчина говорил про мою Найду, а не противопоставлял пса абстрактному образу. Накатил стыд, что псу я не дала имя, хотя прошло уже две недели. Никакая кличка, особенно Калач, как его назвали в отлове, к нему не клеилась.

В сон я проваливаюсь под утро, собачий скулёж уже наполняет сероватую от света комнату. Сон был беспокойным, нервным. Снились какие-то заросли, разваленные кирпичные стены, журчащая вода. Снились собаки, целая стая, хозяйствующая в тех местах. Снилось, что я стою между ними и псом. Одна из собак подошла ко мне, ткнулась мокрым носом в ладонь и повела за собой. Туда, в темноту, в разваленный корпус завода, где за снятой с петель и прислонённой к стене дверью лежала коричневая собака, отдалённо напоминающая колли. Вокруг неё играли щенки, уже чуть подросшие.

— Вот, это твоя, забирай, — мягко сказал мужчина, сидевший на ступеньках, и один из щенков повернулся ко мне. Я замираю и приседаю на корточки, готовая поклясться, что на меня смотрит Найда. — Только не глупи.

— Как же я её заберу?

— Приходи и забирай, только пса возьми моего.

— А куда приходить?

— Дорогу найдёшь. Или пёс покажет. Ты, главное, его приведи.

— А вы кто такой?

— Сторож. И собаки сторожа, давно мы тут. Это вам, молодым, лишь бы всё переломать. Вы ведь лучше знаете, — мужчина отмахнулся, оборвал сам себя.

Маленький мокрый нос касается моей ладони, я вздрагиваю, открываю глаза. Пёс стоит у моей кровати, тычется носом в руку, скулит и виляет хвостом. Впервые он смотрит на меня с радостью, и я не могу отделаться от мысли, что он ждёт, когда я отведу его домой. В то место, которое он считает домом.

Но на прогулку мы идём в другую сторону. Радость в глазах пса гаснет, он скулит, опускает голову и в какой-то момент ложится на асфальт. У меня уходит минут пятнадцать на то, чтобы его поднять и повести к дому. Ещё столько же, чтобы в квартире отмыть его лапы и брюхо. Там он ведёт себя чуть бодрее, ест, но особого интереса к миру не проявляет. На работу я опаздываю, весь офисный день у меня мысли только о том, что пёс, кажется, заболел, и нужно вечером сходить к ветеринару. Или завтра утром, чтобы сразу сдать анализы? Наверное, лучше утром. Нет, лучше решить вечером, когда приду домой.

По пути от метро я впервые задумываюсь, что каждый день проезжаю мимо тех самых корпусов, к которым рвался мой пёс. Задумываюсь, что никогда там не была, хоть живу в паре остановок. Задумываюсь и не замечаю, что ноги сами несут меня мимо трамвайной остановки к подземному переходу. Потом мимо колледжа, вниз к набережной, но не доходя сворачиваю

направо. Иду по автомобильной однополоске к новым домам, то и дело оглядываюсь, прислушиваюсь, но машин нет. Даже странно.

Я прохожу мимо нового дома, готовая залезть в заросли заброшек, когда из темноты появляется всё тот же мужчина:

— Приведи пса!

Я вздрагиваю и просыпаюсь, чуть не падаю с сиденья, когда трамвай поворачивает на овраге Подпольщиков. Качаю головой, встаю, чтобы выйти на следующей. Не отпускает мысль, что мужчина во сне выглядел слишком злым, обеспокоенным. Не понимаю, почему это так волнует, пока не прихожу домой.

Ветеринар приезжает быстро, берёт у лежащего ветошью пса анализы, но делает это скорее для галочки. Убирая пробирки в сумку-холодильник, поворачивается ко мне:

— Вам, наверное, про возраст соврали, выглядит старше трёх. Скорее всего, это просто старость…

— Думаете?

— Очень похоже. Да и у бродячих она быстрее наступает. Вы утром напишите, если потребуется его забрать.

— А сейчас? Может, стационар?

— Я вам перезвоню по анализам. Но скорее всего это будет лишний стресс для собаки, который только ускорит…

— Я поняла. Перезвоните.

Ветеринар уходит. Закрыв за ним дверь, я сажусь на пол, пёс не реагирует. Я глажу его по голове, картинка перед глазами дрожит от слёз, и всё становится хуже, когда он медленно поднимает голову и утыкается носом в мою ладонь, пару раз взмахивает хвостом, как утром.

Рыдания прерываются, только когда звонит ветеринар. Говорит, что инфекций по анализам нет, но картина в принципе характерна для пожилой собаки. Спрашивает о состоянии пса. Напоминает снять повязку с лапы.

Когда время подходит к полуночи, я понимаю, что псу становится совсем плохо, и вздыхаю:

— Хоть умрёшь, где хочешь.

На открытую дверь квартиры пёс не реагирует, если ставить его на лапы — просто заваливается вбок. Я ругаюсь себе под нос, сажусь на корточки, хлопаю себя по плечам. Он понимает, кладёт передние лапы на плечи, я его поднимаю. Кое-как закрываю дверь и спускаюсь по лестнице.

Когда мы, очень медленно и с парой передышек, доходим до оврага Подпольщиков, пёс начинает вилять хвостом. Сначала я пугаюсь, что это агония, но потом замечаю, что он поднял голову. Переходим дорогу, я кладу его на скамейку, чтобы отдохнуть. Пёс, к моему удивлению, соскакивает с неё. Снова бодает руку, нетерпеливо.

— Дай отдышусь, ты тяжёлый.

В свете фонаря он не выглядит старым и немощным, да и таким тощим, как казался, тоже.

Дальше он идёт рядом, кружит, виляет хвостом, то и дело огибает меня. Ведёт. С каждым метром он выглядит всё более бодрым, около торгового центра почти начинает гарцевать как конь и звонко лает. На лай прибегают ещё несколько собак, меня окружают и всё в том же быстром темпе ведут. Мы проходим мимо выключенного фонтана, я открываю неприметную дверь сбоку, и собаки забегают на территорию бывшего завода. Сама захожу последней.

В зарослях темно, я пару раз поскальзываюсь, но не падаю. Везёт. Место ощущается странно, знакомым и чужим одновременно. Я понимаю, что уже прошла во сне эту дорогу, что сейчас мы выйдем к тому самому корпусу, где лежит сука со щенками.

В глаза резко бьёт свет фонарика, рефлекторно делаю шаг назад и жмурюсь.

— Вот обязательно дотянуть надо было? — сторож говорит с напускной, даже переигранной суровостью.

— Но ему вроде лучше. Сейчас.

— Конечно, лучше.

Сторож наконец опускает фонарик, и у меня получается нормально открыть глаза. Он взмахивает рукой, собаки гавкают и разбегаются. Я стою на месте.

— Чего ждёшь?

— Как выйти, не знаю.

— А если правду сказать?

— Мне… щенок приснился.

— Ту не отдам, других можешь посмотреть.

— А почему ту нельзя?

— Ты должна научиться отпускать. Сейчас чуть Пса не довела, травишь и себя, и Найду. Нет, новую собаку-то можно завести, и вспоминать прошлых можно. Но душу травить себе нельзя, что у тебя кроме души есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.